

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА КУРЕНЦОВА

A. I. Kurentsov's Annual Memorial Meetings

2021

вып. XXXII

<https://doi.org/10.25221/kurentzov.32.1>

<http://zoobank.org/References/40569A4B-617B-4B7C-B79B-DC8B6BA444EC>

**АВСТРО-ВЕНГЕРСКИЕ ЭНТОМОЛОГИ – ВОЕННОПЛЕННЫЕ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
(1914–1920 ГГ.)**

Е.В. Новомодный¹, Е.А. Беляев²

¹ Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, г. Хабаровск
E-mail: evgenov@mail.ru

² Федеральный научный центр биоразнообразия наземной биоты
Восточной Азии ДВО РАН, г. Владивосток
E-mail: beljaev@biosoil.ru

Рассмотрено участие европейских энтомологов-любителей из числа австро-венгерских военнопленных Первой мировой войны в исследованиях сибирской и приамурской энтомофауны. Не смотря на то, что они занимались этим в условиях несвободы, их массовые сборы немало способствовали новым открытиям. Приведены биографические сведения о тех, кто стал известен по материалам, обработанным энтомологами-систематиками. Их имена: Карл Фердинанд Мандль (1891–1989), Штепан Юречек (1877–1940), Герман Фриб (1877–1947), Йозеф Михель (1890–1963) и Альфред Бинер (1892?–1954). Приведены малоизвестные факты о деятельности Южно-Уссурийского отделения Приамурского отдела Русского географического общества в Никольск-Уссурийске, вскрыта подоплека важных событий из жизни Евгении Николаевны Клобуковой-Алисовой (1889–1962) и Алексея Ивановича Куренцова (1896–1975). В Приложении помещен перевод с немецкого языка воспоминаний А. Бинера о жизни энтомолога в тот период.

Более ста лет минуло с того времени, когда в результате пленения на фронтах Первой мировой войны на территории России оказались более двух миллионов иностранных граждан, в основном из Австро-Венгерской империи. Все они были интернированы – подвергнуты принудительному содержанию под стражей и поселены в места, где не смогли бы оказать помощь своей стране. Офицерский контингент и этнических немцев, австрийцев, мадяров – как непримиримых врагов – отправляли подальше от театра боевых действий,

за Урал. Зачастую для их расквартирования использовались казармы ушедших на фронт русских воинских частей. Такими местами, например, в Приморской области Приамурского генерал-губернаторства стали крупные гарнизоны: Никольск-Уссурийск, Хабаровск, Красная Речка, Спасское, Раздольное, Шкотово, позднее – о-в Русский. Так же было и в Сибири.

О факте пребывания в русском плену в Приморье австрийского энтомолога Карла Мандля мы впервые услышали от ведущего знатока жесткокрылых насекомых Дальнего Востока России Г.Ш. Лафера, к сожалению, ныне покойного. Но являлся ли этот случай единственным? Коллекционирование предметов натуральной истории было тогда в Европе модным и распространенным занятием. В большинстве этой страстью «болели» врачи, учителя, инженеры, преподаватели вузов – только в то время мобилизованные в армию и одетые в военную форму. Неизученная историками тема вовлеченности специалистов из числа военнопленных в процесс познания природы страны пребывания привлекала наше внимание, но ее разработка стала возможной лишь недавно, благодаря появлению во «Всемирной сети» электронных версий старых номеров иностранных научных журналов (Новомодный, 2018).

По мнению ряда исследователей истории возникновения на Дальнем Востоке научных учреждений, самым удивительным событием в тот период времени стало создание научно-производственного объединения под эгидой Южно-Уссурийского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (далее - ЮУОРГО) в г. Никольск-Уссурийск. Здесь была создана своя опытно-производственная база, включавшая животноводческую ферму, сельскохозяйственное производство на 100 га, а в арендованных казармах – мастерские учебных наглядных пособий, где, среди прочего, занимались изготовлением серийных морфологических и систематических гербариев и энтомологических коллекций (Фисенко, 2014). Но для такой работы нужны подготовленные люди с соответствующим образованием. Отдавая должное организаторскому таланту руководителя этой работы А.З. Федорову (1886–1945), мы долго не могли понять, кто изначально, уже имея нужные навыки, с нуля своими руками поднимал с большим размахом задуманное дело?

Это выяснилось лишь из писем Евгении Николаевны Клобуковой-Алисовой (1889–1962), заведовавшей Ботанический кабинетом со дня его учреждения 5 сентября 1918 г., адресованных ею своему учителю, знатоку маньчжурской флоры ботанику В.Л. Комарову (1869–1945). «Вообще работа, когда здесь были пленные, была широка, идейна и благодарна, их способность работать и предъявлять минимум требований прямо поражали, пленных у нас было до 110 человек, вот работа-то кипела!». (Датировано 31.01.1923 г.).¹

Судя по их переписке, для В.Л. Комарова переезд Евгении Николаевны в конце 1917 г. на Дальний Восток явился полной неожиданностью. Она объясняла ему свой поступок тем, что спасалась от царившей в столичном Петрограде дороговизны, по собственной инициативе присоединившись к

¹ Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 241. Л. 17 об.

брату-офицеру, Владимиру Николаевичу Клобукову (1891–1974), направленному в войсковую часть, охранявшую лагерь иностранных военнопленных. Хотя крупному вятскому лесопромышленнику он приходился старшим сыном и, по-видимому, являлся его наследником, но по законам того времени все-таки был призван для прохождения военной службы.

А вот ее свидетельство о том, с чего начинался знаменитый впоследствии кабинет. «Я отыскала здесь агронома... Ав[густа] М[аксимилиановича] Савари, и он любезно предоставил мне все сборы, у него имеющиеся, которые он делает с пленными в два последних лета. Если лагерь не расформируют, то буду путешествовать в сопровождении трех пленнх австрийцев, которые сейчас заняты работой над флорой Никольска. Определение растений они ведут по «Флоре Маньчжурии», и очень довольны ей, так как говорят, что без нее нельзя было бы работать. Мой адрес: г. Никольск-Уссурийск, Канцелярия 721-й [Симбирской пешей] дружины [Государственного ополчения], подпоручику Клобукову, коменданту 3 отряда военнопленных, мне» (28.12.1917 г.).²

Именно ее письма открыли нам вышеупомянутого жуковеда-карабидолога К. Мандля в качестве ботаника! А благодаря их с венгром А. Кишшем (Kiss, Agrad, 1889–1968) соавторской статье, отрывок из которой приведен далее, удалось выяснить имена остальных флористов из контингента военнопленных, работавших на ЮУОРГО. «В годы русского плена в Никольск-Уссурийске (Восточная Сибирь) вместе с товарищами по несчастью д-ром А. Мюльдорфом [Mühldorf, Anton (по-венгерски Antal), 1890–1961], д-ром Эндре Надем [Nagy, Endre] и Каролем Петрзилкой [Petrzilka, Károly, 1887–1949] нам удалось встретить сотрудников местного института Русского Географического общества, Российской государственной станции испытания семян и Сельскохозяйственного музея [А. Савари] и вместе с ними заниматься. Мюльдорф, Надь и Петрзилка регулярно участвовали в сборе гербария. Собранный ими необычайно богатый материал является основой коллекций вышеупомянутых организаций. Вернувшись домой, один из нас привез лишь некоторые из аутентичных экземпляров, в то время как другой, возвратившийся позже, с помощью д-ра Андраша Хоффера [Hoffer, András] и д-ра Э. Нады при поддержке Венгерского Красного Креста привез в Венгерский национальный музей большую часть собранного, частью состоящую из личных коллекций, частью – из коллекции доктора Имре Елека [Elek, Imre], а, в основном, из подарка директора Сельскохозяйственного музея Агостона [венгерский вариант имени Август] Сарвари» (Mandl et al., 1921/1922). А. Кишш «в 1918–1919 гг. состоял помощником Зав. Никольско-Уссурийской семенной контрольной станции А.М. Савари и собирал растения. В 1920 г. сотрудничал в Бот. кабинете ЮУОРГО. Обильно коллектировал для создания учебных пособий и общего гербария» (Кабанов, 1935).

В вышеупомянутой статье авторы описали шесть новых таксонов сосудистых растений Приморья, поэтому расчувствовавшаяся Клобукова-Алисова, в честь которой из них были названы два, писала Комарову так: «[Эта научная]

² Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 241. Л. 5-6 об, 9 об.

работа г. Мандля получена и мной, и я очень радовалась тому, что г. Мандль (этот просто идейный и идеальный человек) из химика и энтомолога превратился в ботаника, он стал ей заниматься только у нас в Отделении и так увлекся, что даже переменял свою специальность. Очень милый человек и другой, Kiss [Киши], в честь которого назвали *Pulsatilla kissii* Mandl; нужно добавить, что они в Никольске выучили русский язык и с увлечением работали по Вашим [книгам] «Флора Маньчжурии» и «Типы растительности...» (31.01.1923 г.).³

Евгения Николаевна сумела разглядеть в молодом К. Мандле задатки истинного ученого и энциклопедиста, а волею судеб в ЮУОРГО вышла в свет его единственная печатная работа на русском языке, – хроника цветения местных медоносных растений (Мандль, 1923). Как известно, Карл Фердинанд Мандль (Mandl, Karl Ferdinand, 1891–1989) родился в Критцендорфе [Kritzendorf], недалеко от Вены, и был средним из трех сыновей заядлого коллекционера жуков, бухгалтера Карла Мандля-отца (1858–1928). После окончания реального училища, в 1909 г. он поступил в венский Политехнический университет, где изучал химическую технологию, и, сдав в 1911 и 1913 гг. два государственных экзамена, получил диплом. Потом недолго работал химиком-аналитиком в Институте сельскохозяйственных исследований Вены и, наконец, 1 октября 1913 г. в качестве так называемого добровольца-одногодичника поступил на военную службу. К началу Первой мировой войны он имел звание капрала, но вскоре дослужился до младшего офицера. В 1914 г. со своей дивизией попал в плен и только в сентябре 1920 г., с последним транспортом немецких военнопленных из Сибири, морем вернулся домой (Fischer, 1990). В 1922 г. он писал: «В 1919–1920 гг., по случаю моего вынужденного пребывания в плену в Восточной Сибири, я старался как можно больше узнать флору территории. Это было вызвано тем обстоятельством, что у меня была хорошая возможность стать ботаником в отделении Русского Географического общества, расположенного в Никольск-Уссурийске, в Приморской области, где из-за относительно большой доступной библиотеки для меня сложилась благоприятная обстановка» (Mandl, 1922). Уточним: официально он работал лаборантом в ЮУОРГО с 15.05.1919 г. по 21.06.1920 г. В Венском зоо-ботаническом обществе им был сделан доклад, позднее опубликованный, об энтомологических наблюдениях и сборах в русском плену. В нем он сообщил, что находился в лагерях Читы, Троицкосавска (ныне г. Кяхта) на монгольской границе и Никольск-Уссурийска, бывал в Верхне-Удинске (ныне г. Улан-Удэ) (Mandl, 1923).

Вернувшись на родину, в Вену, К. Мандль устроился на работу в НИИ строительных и отделочных материалов при Торгово-технологическом музее. В 1922–1926 гг. он являлся ассистентом кафедры ботаники, технической микроскопии и товарных исследований в Политехническом университете, с 1926 г. начал преподавать студентам (ассистент кафедры химии и химической технологии), а в 1928 г. прошел по конкурсу и получил звание профессора. Его диссертация была посвящена микроскопическому строению экономически важных

³ Архив РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 241. Л. 17 об.

семян клещевины. Потом К. Мандля последовательно назначали главой двух НИИ в той же области знания – химтехнологии, в 1947 г. он вышел в отставку. Позднее занимался выпуском и распространением учебных пособий, работал консультантом в австрийском Центре повышения производительности труда. В июле 1951 г. он получил степень доктора технических наук. Карл Мандль – автор нескольких патентов и научных изобретений в технике (Fischer, 1990).

Конечно, Евгения Николаевна преувеличила, что в плену он ради ботаники забросил любимую энтомологию, – это не так, ведь им было увезено на родину свыше 40 тыс. жуков, 3 тыс. бабочек и множество других насекомых, а также растений и их ископаемых остатков. Интерес к миру жесткокрылых у него появился в детстве, его пробудил отец, поэтому Карл рано познакомился со сбором, препарированием, идентификацией жуков, и всю жизнь использовал любые возможности для проведения экскурсий и их ловли. Начав собственные исследования в области систематики, он обнаружил много новых видов. Энтомологический материал в основном предназначался заинтересованным узким специалистам, оставшаяся часть была подарена венскому Музею естественной истории или соответствующим по профилю институтам. Он снискал международное признание как специалист в области таксономии двух семейств: жуков-скакунов (Cicindelidae) и жужелиц (Carabidae). Многие научные учреждения, в том числе важнейшие музеи мира (в Амстердаме, Базеле, Берлине, Будапеште, Чикаго, Дрездене, Хельсинки, Лозанне, Лондоне, Мюнхене и Вашингтоне) доверяли ему свои материалы для обработки. Согласно обычной практике, за постановку у них коллекций (сортировку и определение видовой принадлежности) в качестве платы он мог оставлять дубликаты себе, поэтому с течением времени накопил огромную личную коллекцию с весьма большим количеством паратипов. После Первой мировой войны, установив тесные контакты с Музеем естественной истории в Вене, он фактически стал его внештатным сотрудником, и выйдя на пенсию в 1959 г., смог полностью посвятить себя научным исследованиям, работая в музейной коллекции жуков. Он еще продолжал заниматься в ней даже за два года до смерти, а ведь умер в возрасте 98 лет! На его счету 277 энтомологических и 6 ботанических опубликованных работ, среди которых более двадцати имеют объем свыше 100 страниц (Fischer, 1990).

О судьбе коллекций в крупнейшей общемировой сводке сказано, что «Col.-Ausbeute aus Ost-Sibirien an die Bearbeiter verteilt. – Rhynchiten-Spezial-Sammlung (1938) und Cicindelidae-Spezial-Sammlung an Mus. G. Frey, Tutzing» (Horn et al., 1990). Среди насекомых, описанных на материалах, собранных К. Мандлем в плену, мы выявили девять таксонов жуков и два — чешуекрылых, названных в его честь («*mandli*»).

Имя другого энтомолога его ближайшего окружения мы узнали из статьи с описанием жука-плавунца *Graphoderus bieneri* Zimmermann, 1921, впервые пойманного К. Мандлем в р. Суйфун и «названного так в честь его заядлого друга-коллекционера» [Zimmermann, 1921]. Поиск во «Всемирной паутине» дал некоторые результаты. Оказалось, что Альфред Бинер (Biener, Alfred, 1892(?)–1954) является автором ряда интересных публикаций, посвященных

жизни в плену и его занятиям там энтомологией (см. список литературы). В приложении к нашей статье помещен перевод самой большой из них с добавлением ценной информации из других его работ. О самом авторе известно мало. Судя по занимаемой должности, которая называлась «Oberrevident» – главный государственный ревизор-инспектор, и по частым переездам из одного приграничного города Чехословакии в другой (Mährisch-Schönberg – Petrowitz – Oderberg), Бинер, по-видимому, служил на железной дороге. Интересовали его, в первую очередь, чешуекрылые. После смерти коллекции поступили в музей г. Опава: «Satyridae und mitteleuropäische Lepidoptera an Slezké Museum, Орава» (Horn et al., 1990). В одной из своих работ он упомянул фамилию еще одного товарища-энтомолога по Никольск-Уссурийску: «Prof. Michel aus Böhmisches Leira».

Нам удалось установить, что им был преподаватель высшей школы Йозеф Михель (Michel, Josef, 1890–1963), родившийся в Судетской области, в г. Шандау (Sandau, ныне Жандов – чеш. Žandov). По окончании средней школы в г. Богемская Лейпа (Böhmisches Leira, ныне Česká Lípa), он еще год углублял языковые навыки во франкоязычной части Швейцарии. В дальнейшем изучал немецкий и французский языки в Карловом университете в Праге. В Первую мировую войну он попал в русский плен. Биограф пишет, что «в сибирской тайге лишь энтомология спасла его от меланхолии и душевных болезней». Й. Михель вернулся домой только в 1920 г. (через Владивосток, Гавайи, Панамский канал, Триест), сумев привезти богатые сборы сибирских и восточноазиатских бабочек. Дома, в Лейпе, работал профессором гимназии, все свободное время посвящая лепидоптерологии. Его статьи внесли значительный вклад в познание богемской фауны чешуекрылых. Во время аннексии Германией этой области Чехословакии Общество судетских немцев-энтомологов избрало его своим председателем. После Второй мировой войны, в 1945 г., бросив все, как и многие его соотечественники, Михель был вынужден покинуть родину. Особенно сильно переживал он потерю обширной личной коллекции – ее конфисковали, и ныне она находится в Пражском национальном музее. Поначалу ему пришлось наниматься на тяжелые сельскохозяйственные работы под Дрезденом. Затем он устроился разнорабочим на завод «Carl Zeiß-Werke» в г. Йена. Лишь в ноябре 1946 г. Михель стал работать учителем в средней школе им. Мартина Лютера (г. Айслебен). Постепенно собралась новая коллекция, и ему удалось вернуться к исследовательской деятельности, сделав большой вклад в познание энтомофауны р-на Мансфельд. В последние годы жизни он специализировался на изучении листовых минервов и их паразитов. Его научные сообщения вновь появились в энтомологических журналах Австрии и Германии. 20 марта 1963 г. Йозеф Михель принял участие в конференции энтомологов в Галле (ГДР), но здесь ему фатально не повезло: он разбился, упав на неосвещенной лестнице, и вскоре умер от полученных травм (Michel, 1964).

Все вышеназванные любители насекомых были выявлены нами по связям, идущим от именитого австрийского энтомолога К. Мандля. Не так был найден Герман Фриб (Frieb, Hermann, 1877–1947), уроженец в г. Максглан [Maxglan],

ведущий колеоптеролог Зальцбурга первой половины XX в. Оказалось, что не смотря на то, что сам он никогда не публиковался, Фриб не менее Мандля знаменит благодаря «сибирской» части своей коллекции жесткокрылых. После получения среднего образования, он сначала учил детей в народной школе родного города, а позже, сдав в 1906 г. экзамены по специальности для гимназического уровня преподавания, стал, в конечном счете, ее директором. Во время Первой мировой войны на фронте попал в русский плен и смог вернуться только в сентябре 1920 г. В Сибири и на Дальнем Востоке ему удалось собрать более 40 тыс. жуков. Основными местами сбора были Барнаул, пос. Песчанка (7 км вост. Читы) и Владивосток. Впоследствии эта коллекция была тщательно обработана при участии многих специалистов-колеоптерологов, причем по материалам из нее установлено 55 новых таксонов (Geiser, 1991). А. Хориону (Horion, Adolf, 1888–1977), автору фундаментального труда о распространении жесткокрылых Палеарктики «Faunistik der mitteleuropäischen Käfer» (12 томов, 1941–1977 гг.) она послужила важной информационной базой. Таксоны жуков, названных по фамилии этого сборщика, имеют эпитеты «*friebi*» или «*friebianus*».

В 1951 г. «сибирских» жуков Фриба, 500 видов которых отсутствовали в его хорошо укомплектованной коллекции, для своего частного «Museum Frey» купил богатый фабрикант-текстильщик, а по жизни страстный любитель и исследователь жуков Г. Фрей (Frey, Georg, 1902–1976), чья двухмиллионная коллекция стала крупнейшей за всю историю колеоптерологии. (Коллекцию Карла Мандля, содержавшую 70% известных палеарктических и экзотических скакунов (Cicindelidae), он купил в 1964 г.). С 1997 г. она целиком находится в Базельском музее естественной истории в Швейцарии (Geiser, 1991, 2003).

Заголовок первой послевоенной статьи полковника медицинской службы Штепана Юречка (Jureček, Štěpán, 1877–1940), звучит прямо-таки победоносно: «Научные результаты чехословацкой армии в России и Сибири», поэтому можно считать, что за чередой последующих событий русский плен в марте 1915 г. при взятии крепости Перемышль в Галиции уже не казался ему трагедией (Jureček, 1921). Уроженец г. Богемская Острава (Mährisch-Ostau, чеш. Moravská Ostrava) учился в чешской гимназии с пансионом в г. Опава, приезжая домой лишь на праздники. С того же времени берет начало его увлечение энтомологией и коллекционированием жуков. После окончания гимназии он отправился в Прагу, где изучал медицину в Карловом университете, окончив его в 1902 г. (Obenberger, 1940). Потом некоторое время работал врачом в родном городе, но вскоре поступил на службу в австро-венгерскую армию, в ее медицинские подразделения, располагавшиеся то в Вене, то в Южном Тироле. При этом у него всюду имелась возможность для активной собирательской деятельности. С 1913 г. он служил в Турнау (чеш. Turnov), где приобрел много друзей, и стал чрезвычайно популярен среди местных энтомологов. С началом мировой войны находился на фронте, и, оказавшись в плену, пережил все перипетии бурной российской истории тех лет, но всегда и везде занимался лечением раненых и больных: и в лагерях военнопленных, и в царских госпиталях и в большевистских больницах. Места, где он собирал жуков: Киев, Симбирск, Самара, Уфа, Оренбург, Тоцкие лагеря Самарской губернии, Владивосток (Obenberger, 1940).

Горячий сторонник идеи национального славянского государства и борец с засильем германцев на своей родине, Ш. Юречек в плену добровольно вступил ряды Чехословацкого корпуса («Чехословацкого легиона»), и служил в нем вплоть до возвращения на родину в августе 1919 г., – через Японию и США. Эшелоны с легионерами отправлялись во Францию, где находилась их основная часть, кружным путем через океаны, поэтому на территории России они растянулись по железной дороге от Волги до Владивостока (Obenberger, 1940). Продвижение было чрезвычайно замедленным, с длительными остановками, что, конечно, благоприятствовало обильным сборам любителя-энтомолога, и впоследствии привело к большому количеству таксонов жесткокрылых, названных «*jureceki*» и «*jurecekianum*» в честь сборщика.

Вернемся к созданию коллекций приморских насекомых, начатому при ЮУОРГО энтомологами из числа иностранных военнопленных (К. Мандлем и его единомышленниками). С их отъездом в 1920 г. эстафету принял в то время демобилизованный из белой армии двадцатичетырехлетний Алексей Иванович Куренцов (1896–1975), будущий корифей дальневосточной энтомологии, который не случайно одновременно с ними работал младшим лаборантом при Ботаническом кабинете (растениям и их сообществам посвящена половина его первых научных работ!). Биограф ученого написал, что из г. Кромы Орловской губернии он по собственному желанию «в 1919 г. уехал в Ленинград, где получил от Зоологического музея А[кадемии] Н[аук] командировку в Южно-Уссурийское отделение РГО для сбора коллекций» (Аноним, 1978). По мнению опрошенных нами историков, в тот год свободный проезд на Дальний Восток по путевке «красного» Петрограда был невозможен, и попасть сюда он мог, только находясь в рядах военнослужащих. Видимо, легенда о командировке появилась задним числом: ведь известно, что на обратном пути, в марте 1923 г. его на неделю задерживали в Екатеринбурге – впредь до установления личности, как не имевшего удостоверения, подтверждавшего цель проезда в Европейскую Россию с коллекциями насекомых. В заявлении на имя начальника исправительного трудового дома (тюрьмы) А.И. Куренцов объяснял это следующим образом: «В продолжение 4-х лет в пределах Южно-Уссурийского края Приморской области мною велись обследования края в зоологическом отношении <...> по поручению Дальневосточных географических обществ и Зоологического музея Академии наук в Петрограде. Результатами моих исследований являются сборы энтомологических коллекций и ведение дневников по моей специальности. В настоящее время вся эта коллекция, а также все рукописи и дневники, относящиеся к коллекции и моим исследованиям, находятся при мне» (см. Баранчиков, 2004).

Позднее, в научной статье он уточнил места своей работы и объемы собранного: «в 1920 г. я экскурсировал у Никольска-Уссурийского...; два следующих года в Сучанском районе...; в 1921 г., работая с экспедицией ЮУОРГО, собрал материал, хранящийся в настоящее время в названном Обществе; в 1922 г. продолжал работу прошлого. Лепидоптерологические сборы последнего года достигли 8.000 экз., из которых часть оставлена во Владивостоке, а большая часть передана в Зоологический Музей Российской Академии Наук» (Куренцов,

1925). Заметим, что здесь он по какой-то причине умолчал о судьбе сборов 1920 г., а ведь ранее указывал, что всего им было собрано около 4.000 экз. насекомых (Куренцов, 1922). Видимо, их увезли с собой австрийцы, которые, без всякого сомнения, оказали большое влияние на начинающего коллегу. Косвенно об их дружеских взаимоотношениях говорит тот факт, что когда в 1927 г. А.И. Куренцов вступил в Австрийское энтомологическое общество, до него в нем числилось лишь двое россиян: киевлянин Лев Шелюшко и житель Омска Владимир Внуковский (см. Anonymus, 1931).

Итак, насколько это стало возможным в настоящее время, нами была прослежена судьба людей, чье второе призвание дало им шанс не только выжить, находясь в стесненном и унижительном положении военнопленного, но и принести немалую пользу себе и науке, найти полезное для ума и сердца занятие. Кроме того, как сейчас выясняется, они сумели на первых порах поддержать и мотивировать на серьезные исследования таких знаменитых впоследствии ученых как Е.А. Клобукова-Алисова и А.И. Куренцов, впервые оказавшихся в Приморье в силу жизненных обстоятельств, далеких от науки, но именно здесь сумевших найти и проявить себя в ней. Замечательный своим богатым миром животных и растений край вызвал у всех них искреннее желание приложить свои силы к познанию природы Дальнего Востока.

ЛИТЕРАТУРА

Аноним. 1978. Основные даты жизни и деятельности А.И. Куренцова. *Ученый А.И. Куренцов*. Тула: Приокское книжное издательство. С. 118–120.

Баранчиков Ю.Н. 2004. Уральский энтомолог Ю.М. Колосов. *Энтомологические исследования в Сибири*, 3: 134–152.

Кабанов Н.Е. 1935. Библиографическая сводка материалов по растительному и почвенному покрову Дальневосточного края за последнее десятилетие (1923–1933). *Труды Дальневосточного филиала АН СССР. Серия ботаническая*, 1: 433–568.

Куренцов А.И. 1922. К фауне чешуекрылых в окрестностях гор. Никольск-Уссурийского. Список наблюдений 1920 г. *Записки Южно-Уссурийского отделения Русского Географического общества*, 1: 3–44.

Куренцов А.И. 1925. К фауне чешуекрылых Южно-Уссурийского края. *Русское энтомологическое обозрение*, 19(2): 149–152.

Мандль К. 1923. Диаграмма-календарь цветения медоносных растений за 1919 год для окрестностей г. Никольск-Уссурийского. Никольск-Уссурийский: ЮУОРГО. 1 с.

Новомодный Е.В. 2018. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны в роли исследователей природы Дальнего Востока. *Девятые Гродековские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала Гражданской войны в России «Дальний Восток России на переломе эпох». 17–22 апреля 2018 г. г. Хабаровск. Т. 1.* Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова. С. 78–86.

Фисенко С.М. 2014. Роль Александра Зиновьевича Федорова в изучении Южно-Уссурийского края (1907–1934 гг.). *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*, 3: 136–147.

Anonymus. 1931. Verzeichnis der Mitglieder des österreichischen Entomologen-Vereines. *Zeitschrift des Österreichischen Entomologischen Vereines*, 16: 1–6.

Biener A. 1921. Einiges über *Parnassius nomion* F.d.W. *Deutsche Entomologische Zeitschrift Iris* (Dresden), 35: 3–4.

- Biener A. 1922.** *Orgyia antiqua* L. und *Orgyia zimmermanni* Graeser. *Entomologischen Zeitschrift* (Frankfurt am Main), 36: 53.
- Biener A. 1923/1924.** Die Kriegsgefangenschaft vom Standpunkte des Entomologen. *Entomologischen Zeitschrift* (Frankfurt am Main), 37: 17–18, 23, 36–37, 44–46.
- Biener A. 1924.** *Papilio bianor* Br. var. *raddei* Brem. und var. *maaki* Men. *Lotos – Zeitschrift für Naturwissenschaften* (Prag), 72: 191–192.
- Biener A. 1924/1925.** Die Kriegsgefangenschaft vom Standpunkte des Entomologen. *Entomologischen Zeitschrift* (Frankfurt am Main), 38: 3–4, 24–24a.
- Biener A. 1927.** Entomologische Erinnerungen aus Sibirien. *Entomologisches Nachrichtenblatt* (Troppau), 1: 35–36, 80–83.
- Geiser E. 1991.** Beiträge zur Geschichte der naturwissenschaftlichen Forschung in Salzburg. [Teil] 3. Der Salzburger Käferforscher Hermann Frieb. *Mitthailungen der Gesellschaft für Salzburger Landeskunde*, 131: 363–371.
- Geiser E. 2003.** Beiträge zur Geschichte der naturwissenschaftlichen Forschung in Salzburg. [Teil] 5. Die Käferkartei von Hermann Frieb – eine wertvolle Grundlage für faunistische und ökologische Untersuchungen. *Denisia*, 8: 121–129.
- Fischer M. 1990.** Zum Gedenken an Professor Dipl.- Ing. Dr. tech. Dr. h. c. Karl Mandl. *Zeitschrift der Arbeitsgemeinschaft Österreichischer Entomologen*, 42: 61–63.
- Horn W., Kahle I., Friese G., Gaedike R. 1990.** *Collectiones entomologicae: Ein Kompendium über den Verbleib entomologischer Sammlungen der Welt bis 1960. Teil 1. A bis K; Teil 2. L bis Z.* Berlin: Akad. Landwirtschaftswiss. der DDR. 220 p. + 221–573 p.
- Jureček Š. 1921.** Vědecké výsledky československé armády v Rusku a na Sibiři. II. *Gaurotes nigriventris* n. sp. Cerambycidae (Col.). *Časopis Československé Společnosti Entomologické. (Acta Societatis Entomologicae Cechosloveniae)*, 18: 25–26.
- Mandl K. 1922.** Beschreibung neuer Pflanzenarten und Bastarde aus Ost-Sibirien nebst ergänzenden Bemerkungen zu wenig bekannten Arten. *Österreichische botanische Zeitschrift*, 71: 171–189.
- Mandl K. 1923.** Meine koleopterologische Sammeltätigkeit in Ostasien. *Verhandlungen der Zoologisch-Botanischen Gesellschaft in Wien*, 73: 91–94.
- Mandl K., Kiss A. 1920/1921.** Új kelet-szibériai növények. (Neue ostsibirische Pflanzenarten). *Botanikai Közlemények*, 19: 89–94.
- Michel K. 1964.** Studienrat Josef Michel. [Nachruf]. *Zeitschrift der Wiener Entomologischen Gesellschaft*, 49: 67–68.
- Obenberger J. 1940.** Za MUDr. Štěpánem Jurečkem. [Nekrolog]. *Časopis Československé Společnosti Entomologické. (Acta Soc. Entomol. Cechosloveniae)*, 37: 1–2.
- Zimmermann A. 1921.** Eine neue Dytiscidenart aus dem Ussurigebiet. *Koleopterologische Rundschau*, 9: 86.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Военный плен с точки зрения энтомолога (Biener, 1923/1924, 1924/1925)

Перевод и примечания Е.В. Новомодного

О тяготах и страданиях военного плена, особенно в Сибири, уже было написано и сказано столько, что мне к этому нечего добавить. С другой стороны, в некоторых случаях он мог дать значительные преимущества и даже доставить приятные минуты. Вот об этом я и хочу рассказать. [Доклад был сделан на собрании чехословацких энтомологов 20.05.1923 г. и впоследствии опубликован].

С большим транспортом военнопленных офицеров в декабре 1914 г. я прибыл в концентрационный пункт Березовка под Верхне-Удинском [ныне г. Улан-Удэ] Забайкальского края. Лагерь, который со стороны вокзала на первый взгляд казался беспорядочно построенными деревянными бараками, с холмов, окружавших его полукругом, напротив р. Селенга, выглядел прямо-таки приветливо. Низкие горы, состоящие из коренных пород с несколькими скалистыми вершинами, все заросли лиственными деревьями самых разных видов и возрастов, тут и там чередуясь с более мелкими сосновыми, еловыми и кедровыми насаждениями. Среди них преобладали белая береза и осина, дуб отсутствовал полностью. Со всех сторон к лагерю стекались небольшие лесные ручьи, впадавшие в р. Березовку, сливавшуюся с Селенгой в непосредственной близости от него. Густо поросшими кустарником островками этот поток разделен на несколько рукавов, каждый из которых несет немалое количество воды, а один берег от другого – рукой подать. Уже в начале ноября все эти протоки замерзают, и на шесть зимних месяцев образуется санный путь между населенными пунктами, часто расположенными друг от друга на расстоянии нескольких дней пути. Хищнические рубки вблизи железной дороги уже превратили некоторые участки земли этой области в пустыню, на которой летом частые ветры все больше и дальше разносят летучий песок, захватывающий новые места. Кроме того, обезлесению территории весьма способствуют лесные пожары, регулярно повторяющиеся весной. Об их происхождении существуют разные догадки, одна из которых показалась мне самой правдоподобной. Согласно ей местное население нарочно поджигает лес, чтобы в нем было как можно больше больных и покалеченных пламенем деревьев, рубка которых со стороны властей позволялась каждому и бесплатно. Даже предположение, что эти пожары возникают только по неосторожности, может быть легко обосновано склонностью жителей разводить открытый огонь на природе для варки чая, но в дальнейшем не следить за ним, [оставлять костер не потушенным].

С самого начала я смотрел на плен совсем другими глазами, нежели мои товарищи. В соответствии с циркулировавшими в то время слухами, опасался, что нас могут отправить на родину еще до начала весны, и я не получу возможности хоть немного познакомиться с фауной этой страны, но вместе с тем испытывал ужас по поводу того, что в негостеприимной Сибири мы не сможем провести всю зиму при холоде 40°R [минус 50°С]. Какими же беспочвенными в реальности оказались мои тревоги, и, действительно, как часто другим приходилось дрожать от суровой сибирской зимы!

Еще зимой началась моя тамошняя собирательская деятельность. Первой добычей стали личинки жуков-усачей, которых я обнаружил в большом количестве в дровах, поставляемых нам русскими, а также бабочек совок и пядениц, еще с лета забравшихся между двойными рамами окон, и не находивших оттуда выхода на свободу. Хотя качество этих материалов обычно оставляло желать лучшего, но все же они, с одной стороны, показали сходство с нашей отечественной фауной, а с другой – позволили мне не менее четко увидеть их отличие от наших видов. А голубянка *Satsuma frivaldszkyi* из этого «бюро находок» была первым представителем чуждого европейской фауне рода дневных бабочек. Сначала предоставленная нам личная свобода не могла быть в полной мере использована энтомологически, так как все мы носили на теле более или менее неприятные следы войны [раны], и даже наша одежда и обувь находились в таком состоянии, которое делало их непригодными для прогулок при царящем там холоде. Кроме того, по вечерам часто слышимый в непосредственной близости от лагеря волчий вой, а также обнаруженные следы медведей предостерегали нас от того, чтобы мы без оружия далеко удалялись от лагеря. Тем не менее, в целях рекогносцировки я принял несколько небольших прогулок в ближайшие леса и в качестве добычи принес

домой куколок бабочек и жуков, которых нашел под корой деревьев и в других аналогичных местах зимовки. Однако, еще до прихода тепла, нас лишили свободного выхода – якобы за ненадобностью, и с февраля 1915 г. до весны 1916 г. мои охотничьи угодья были самыми маленькими, какие только можно себе представить, а именно: шириной шесть шагов вокруг бараков, в которых мы жили, доступные в течение одного, а затем – двух часов в день. В этом пространстве росли лишь чахлые сосны на песке.

Естественно, что уловы жуков этого лета получились незначительными, но, по крайней мере, несколько ценных видов добыть удалось, например, самца желтушки *Colias aurora*. Из-за прыжка за ним через установленный для нас предел я получил удар прикладом, который, впрочем, никак не повлиял на доставленное себе удовольствие от поимки прекрасного насекомого. Ленточника *Limenitis populi ussuriensis*, севшего на верхушку ветви в нескольких шагах от столба, я узнал «в лицо», но не смог ни внушением, ни маленькими камешками побудить его подлететь поближе. В большом количестве я поймал лишь нескольких представителей родов *Lycaena*, *Argynnis*, *Melitaea*, а также некоторых сатирид и белянок. Этим летом датируется даже поимка аполлона *Parnassius apollo transbaikalensis*. Сборы ночных бабочек были крайне малы, так как нас не выпускали в вечернее время, да еще [из-за комаров и мух] приходилось держать окна закрытыми. В качестве компенсации я мог лишь каждый вечер наблюдать за их летом на свет [угольных] дуговых ламп перед нашими бараками, и, стискивая зубы от бессилия, был более склонен рыдать, нежели смеяться, особенно осенью, когда павлиноглазка *Saturnia boisduvali* часто гостила у этого осветительного прибора. Улов жесткокрылых в том году ограничился лишь теми, кто не сильно дорожил жизнью, опрометчиво осмелившись приблизиться к моему сачку, пока я поджидал бабочек. Красивую песчаную полянку между трех сосен должен поблагодарить за несколько жуков-слоников и скакунов. Я заметил, что в поздние послеполуденные часы стаи жуков, в основном наиболее мелких видов, ежедневно начинали лет от леса к реке, и ничто не могло заставить их отклониться от маршрута. В последующие годы это ежевечернее движение, с почти таким же строгим выдерживанием направления, наблюдалось и в другом лагере, – примерно в одном километре к северу от этого.

Не только доходящее до мелочности ограничение свободы со стороны русских мешало мне ловить в тот год, но и то обстоятельство, что я был единственным среди военнопленных офицеров, кто занимался «таким ребячеством» как собирание букашек, которое привлекало ко мне всеобщее внимание, сделав объектом насмешек. Хочу упомянуть лишь один инцидент, который вызвал бурю веселья и еще долго после него вызывал разного рода зубоскальство. Крупный жук сел в верхушке сосны, и острое желание завладеть им заставило меня осмелиться залезть на чрезвычайно хрупкий ствол. Оказавшись наверху, в упор, почти перед лицом, я увидел какого-то особенно крупного усача *Pachyta lamed*, но не мог освободить руку, не потеряв при этом равновесия и не раскачав тонкую опору. Недолго думая, зажал его губами. И в тот же момент ветка, на которой стоял, сломалась, а я с шумом кубарем свалился на землю, выплюнув жука из своего подручного устройства для ловли – к большой радости окруживших меня офицеров. Только глубокая любовь к своему делу позволяла мне легко переносить любые насмешки.

После бесконечно долгой зимы скопления божьих коровок и первоцветы возвестили конец «мертвого сезона». 1916 год принес нам некоторое облегчение в отношении личной свободы и, следовательно, лучшие возможности для сборов. Весь лагерь был обнесен дощатым забором, и территорией для прогулок (поначалу 2-х, а позднее 4-х часовых) стало все огороженное пространство. В качестве мест поиска и ловли теперь использовалось большое число сосен, песчаных участков, ограда лагеря, и другие его

уголки, поросшие травой и сорняками. Поэтому тот год был намного богаче собранными видами и разновидностями, большую часть которых составляли бабочки-совки, которых я ежедневно в большом количестве выскребал соломинкой из их укрытий в лагерной огаде. Даже насмешки товарищей, которые по-прежнему цвели махровым цветом, выражалась уже гораздо менее обидно, так как до господ постепенно доходило, что мое коллекционирование не было простой детской забавой. В конце концов, со своими длинными ногами, в собственноручно изготовленном костюме, лазающий по деревьям и мачтам дуговых ламп, я был благодатным объектом для рисовальщиков карикатур и сотрудников нашей богатой поэзией, иллюстрированной лагерной газеты. Более того, в те годы некоторые господа без малейшего понимания и особой цели становились сборщиками просто из подражания или скуки. Они развлекались, раскрашивая одноцветных жуков яркими красками или с помощью ножниц придавая крыльям бабочек гротескные формы и помещая их в заметные места.

Если в 1915–1916 гг. мы чувствовали себя униженно и незащищенно, то 1917 г. вспоминается мне прямо-таки годом спасения, хотя и тогда о реальной свободе не могло быть и речи. Во всяком случае, сборы получились совсем другие, когда в мае этого года мы с трудом добились выделения на лесной опушке участка поля для устройства огорода. Несмотря на то, что количество сельхозрабочих было очень ограничено, мне почти каждый раз удавалось затесаться в их команду или обменяться с товарищем, которому это было не столь важно, и выйти из лагеря. Через посадки протекал небольшой ручей, берега которого с обеих сторон заросли кустарником, так что я почувствовал себя бесконечно счастливым. Значительно более благоприятное для ловли место позволило мне вскоре осознать видовое богатство этой местности и соблазнило на несколько смелых вылазок в близлежащие леса, от которых, однако, должен был позднее воздерживаться, так как в случае поимки вся огородная эпопея была бы сорвана. Я убежал несколько раз, либо маскируясь, либо перепрыгивая через забор на улицу, и мне каждый раз удавалось благополучно вернуться, но успех таких вояжей никак не соответствовал риску, так как каждый обнаруженный случай приводил к репрессиям для всего лагеря, к тому же любая такая «прогулочка» означала игру со смертью. Предназначенная мне пуля, хотя и попала лишь в древесину забора, так как я достаточно проворно спрыгнул вниз, однако инцидент имел неприятные последствия: товарищ, уехавший на родину по программе обмена инвалидами, как «очевидец» рассказал моим родителям, что я был «застрелен и свалился с забора».

Первая вылазка, которую я предпринял через огород в чудесную лесную долину, навсегда врезалась мне в память, хотя добыча от той экскурсии была довольно бедной. Мои действия и поведение в такой день может понять только тот, кто сам долгое время был лишен свободы, а затем вдруг почувствовал себя избавленным от оков. Как ребенок, я прыгал с одного берега ручья на другой, трогал растения и камни, ловил бесконечное количество бабочек, и снова заставлял их летать. Наверное, целый час перекликался с птицами, подражая их голосам, наблюдал за ловкими сусликами у их нор и был восхищен, когда впервые увидел белку-летягу, прыгающую по широкой дуге с одной высокой лиственницы на другую. Все казалось мне новым, и я был далек от мысли о том, чтобы воспользоваться несколькими свободными часами для своей коллекции. Только последующие походы оживили мое коллекционное рвение, ввели меня в другую крайность – ловить все, что попадалось на пути, и, таким образом, тратить много времени на почти бесполезные образцы [дубликаты]. Зимой 1917 г. я использовал для сортировки и упаковки ранее собранного в сыром виде материала.

[Из (Wiener, 1927): Если по какой-то причине крылатых насекомых невозможно в свежем виде расправить на иголках, тогда только дневных бабочек я рекомендую упаковать в бумажные (треугольные) конвертики, а всех остальных, включая пядениц, подготовить

к последующему расправлению, проколов грудь иглой и сохраняя уложенными на листах бумаги. Многие обычно не осведомлены, как правильно хранить в конвертиках: бабочки должны располагаться таким образом, чтобы не тело, а передний край верхних крыльев находился в канавке на сгибе. Таким образом, усики прижимаются к краю крыла, и этим достигается минимальная вероятность их поломки. Жирные тела насекомых тоже меньше прижимаются с боков, когда они расположены таким образом. Пакеты упаковываются в не слишком высокие металлические контейнеры, которые можно запаивать только тогда, когда материал полностью высохнет. Что касается жуков, то мне кажется, что самая дешевая упаковка – это жесткие бумажные рулоны [трубки], а в промежутки между лапками следует засыпать крупные опилки]. Немногие записи, сделанные в то время, зафиксировали уже вполне приличные цифры сбора – более 4.000 пакетов с бабочками 1А класса [высшего] качества.

Только в 1918 г., году революции, охрана лагеря стала менее строгой. Теперь, вооружившись сачком, баночками и коробочками, я свободно отправлялся в ближние и дальние окрестности лагеря, не рискуя ни жизнью, ни ногами. Уже первые весенние дни приносили богатую добычу тогда еще неизвестных мне видов. Красивая светлая местная форма бархатницы *Oeneis urda* летала в большом количестве. Великолепные перламутровки *Argynnis amphilocheus* и *A. freija sibirica* открыли летний конвейер видов рода *Argynnis*, позднее появившихся в совершенно невероятном количестве особей. Среди богато представленных бабочек-чернушек своеобразным прыгающим полетом выделялась *Erebia parnenio*, а *E. cyclopius* снизу садилась на зеленые поверхности листьев или летала в тени деревьев, чтобы ее красоту оценили полностью. Уже в конце июня на крутых, труднодоступных склонах появились первые аполлоны *Parnassius apollo* и *P. nomion transbaikalensis*. Последний вид, в отличие от предыдущего, был чрезвычайно подвижный, трудный для лова летун, которого можно было встретить только на крутых, голых склонах. Они величественно кружили над горными вершинами, иногда отдыхали на залитом солнцем камне, или садились на цветок, чтобы поесть, или в быстром скольжении, попеременно преследуя самку короткими, быстрыми взмахами крыльев, наконец, с бурными ухаживаниями скрывались в высокой траве. Ленточник *Limenitis populi* в большом количестве летал по влажным тропинкам и лесным лугам, а ярко-красный цвет желтушки *Colias aurora* снова и снова заставлял меня забыть об усталости и до изнеможения преследовать это чрезвычайно шустрое создание. Из-за их массовой численности, я хотел бы упомянуть простых для ловли пеструшек *Neptis lucilla* и *N. aceris*, с которыми только углокрыльница *Vanessa L-album* могла конкурировать здесь по количеству особей. Сборы ночных этого года в большом количестве содержали пядениц, которых я вспугивал из кустов, растущих вдоль ручьев и некоторых других гелиофильных видов. Разные способы ночной ловли для меня не подходили, так как я всегда был так утомлен днем, что просыпал ночь, даже не шевелясь. В качестве массового вредителя выступал только ивовый шелкопряд *Liparis salicis*, который в 1918 г. в паре с тополевой кисточницей *Pygaera anastomosis* налысо объел большинство молодых тополей [осин?].

Разведение гусениц было решительно невозможно как в первые три года, так и в 1918 г., так как совершенно внезапно и непредсказуемо мы часто бывали заперты на нескольких дней, и гусеницы в таком случае должны были бы голодать, что, кстати, часто случалось и с нами самими. Поэтому в 1917 г., например, мне пришлось отказаться от большой партии гусениц медведицы *Arctia flava sibirica*, потому что они не ели ни один из растущих в лагере сорняков. Разведение павлиноглазки *Saturnia boisduvali* удалось мне только потому, что чуть раньше я случайно обнаружил около одной из казарм целый куст кормового растения. Мне до сих пор не понятно, почему, когда ее

гусеницы окукливаются, они сплетают из шелковины большие общие гнезда, причем каждая готовит собственную колыбельку с выходом, который иногда переплетается другими гусеницами. В результате некоторым особям не удается свободно покинуть ее и выплутиться. Такое своеобразное поведение гусениц не знакомо мне ни для одной из других сатурний, и я неоднократно наблюдал его не только при комнатном разведении, но и на открытом воздухе.

Если бы я стремился ловить в основном ярких созданий, которые были мне неизвестны на родине, то мог бы объяснить это как попытку приглушить чувство тоски по дому. Но не менее захватывающим занятием было преследование самцов рыжей павлиноглазки *Aglia tau*, резвящихся, летая зигзагами, или когда я в изнеможении растянулся на траве: у меня перехватило дыхание от дикой беготни после охоты на березового шелкопряда *Endromis versicolora*. Даже многоцветнице *Arachnia levana*, которая в этом районе дает лишь одно поколение, не позволялось безнаказанно появляться возле моего сачка. Наверное, я потратил слишком много времени на аполлонов, ловля которых сложна из-за неблагоприятной местности, но каждый, кто впервые увидел этих красивых бабочек в полете, это поймет. Уловы жуков в этом году тоже были очень богатыми, и хотя я сам не искал их целенаправленно, часто приличный сбор из склянок [с приманкой], которые наполнялись после каждой поездки, доставлял мне огромное удовольствие. И сейчас я хорошо помню, каких великолепных скакунов *Cicindela tricolor* можно было встретить на песчаных откосах железнодорожной насыпи, а с каким рвением я собирал усачей, посещавших цветы! Поиски ранним утром в дренажных канавах привели к поимке большого количества как невзрачно окрашенных жужелиц, так и великолепно блестящих – из подрода *Coptolabrus*. Я успешно искал гостей [лесных тружеников] в муравейниках, и методы ловли [энтомологическим] ситом и решетом дали большие сборы мелких и очень мелких видов. Хотя официально выход из лагеря в 1918 г. был запрещен, относительно редко что-либо мешало нашим прогулкам. Эти экскурсии стали опасными только тогда, когда гражданская война распространилась на наш район, и лагерь находился то под властью большевиков, то – белогвардейцев. Часто было нелегко избежать патрулей, бродивших по лесам, или заставить их понять, что наше безобидное коллекционирование не имеет ничего общего со шпионажем. Для местного населения единственным известным способом использования насекомых была аптека, и они понимающе ухмылялись, когда видели испанскую мушку *Lytta vesicatoria*. Так, однажды меня забрала в лесу и посадила под замок как шпиона бдительная группа солдат. Но поскольку я и раньше во всем искал для себя пользу, мне удалось хорошо выспаться ночью в тюрьме с большевиками, так как до этого мешала прекрасная устойчивая погода. Получив много добрых напутствий, я покинул гостеприимный приют после восьми дней отдыха, и был уже на следующий день в красивых лесных дебрях на расстоянии дневного перехода от лагеря. Такие дальние походы были не только крайне утомительны и опасны, в них для сбора насекомых оставалось совсем немного времени. Кроме того, конечно, не мужество, заставило мое сердце биться чаще, чем когда-либо, когда в кедровом лесу я столкнулся с великолепным взрослым медведем, которого вспугнул с лежки. Вооруженный только маленьким топориком, я предпочел бы сыграть роль более умного и ретироваться, если бы не знал наверняка, что за спиной совершенно непролазная чаща. Но мой ангел-хранитель заступился за меня, позволив косолапому самому проявить благоразумие, и зверь медленно двинулся в гору. Змей я остерегался с детства, поэтому и в Сибири гадюкам приходилось за встречу со мной расплачиваться жизнью.

В то время мы компенсировали скудное и некачественное питание чрезвычайно богатым рыбным промыслом на Селенге и ее притоках, а временами – сбором ягод и грибов. Кроме того, мы не гнушались с помощью камней и палок охотиться на белок,

отнимать у ворон их птенцов, или готовить по всем правилам кулинарного искусства пойманных петлей зайцев. Своеобразная жизнь тех лет оказала пагубное влияние на наши нравы – при удобном случае мы бессовестно таскали овощи или табак из соседского огорода. Зарабатывать что-то ручным трудом тогда еще считалось недостойным занятием, и я до сих пор вспоминаю, сколько вони исходило от лагерного начальства, когда на хлеб с маслом я с некоторыми товарищами зарабатывал на уборке картофеля, а потом в качестве лесоруба.

В ноябре 1918 г. весь лагерь переехал в г. Никольск-Уссурийск. О неудобствах сего мероприятия вспоминать мне не хочется. [Военнопленные обжились, обзавелись кое-каким личным имуществом, которое в их положении бросать было нельзя]. Ужасы передислокации были обусловлены тогдашней политической обстановкой, а для меня они еще более усугубились заботами о собранных сокровищах. Лишь перспектива проведения сборов в малоизвестном мне по литературе Уссурийском крае несколько поднимала настроение. Если в 1917–1918 гг. «гонорар» военнопленных офицеров был еще достаточным для скромного существования, то в 1919 г. его уже не хватало. Как результат плохой связи, а также по другим причинам у большинства из нас иссякли источники поступления денег с родины. Пришлось зарабатывать свой хлеб тяжелым трудом, что, конечно, не могло не отразиться на энтомологических сборах. Нужно было сначала подработать, чтобы запастись съестными припасами и сигаретами для коллекционных туров. Вне зависимости от имевшихся навыков, мы брались за любой предлагавшийся нам труд и обычно осваивались в короткое время. Хлеб, на который я зарабатывал как красильщик, каменщик, угольщик или даже как «Mädchen für Alles» [выражение, аналогичное русскому «мальчик на побегушках»], был на вкус не менее хорош, чем тот, который приносил мне сельскохозяйственный труд, производство сигарет или пиление древесины. Посещение лагеря датской, американской и австрийской комиссиями [от Красного Креста] обеспечило нас кинотеатром и граммофоном, а от русских мы добились разрешения на создание лагерной кофейни.

Перевод людей из других лагерей и пополнение пленными с фронта постепенно привело к росту числа сборщиков, которые держались вместе, пройдя через огонь, воду и медные трубы. С этого года стал возможным такой обильный сбор, что все они были довольны. Если окрестности Березовки предлагали на выбор любые биотопы, какие только может возжелать душа коллекционера, то места около Уссурийска были полной противоположностью: ни леса, ни ручья, – лишь несколько небольших поросших кустарником холмов, пастбища на равнине и какие-то поля. В нескольких часах пути от лагеря небольшая речка, по берегам которой такая же невысокая растительность, но богаче видами. Среди них преобладали дуб и амурский бархат – как в виде кустарника, так и дерева. Очень неприятным оказалось отсутствие питьевой воды, и было просто чудом, что обильная речная вода, которой мы наслаждались, нисколько не повредила нам. С наступлением весны мы сразу же стали искать куколок бабочек под кустами и деревьями в лагере, и богатая добыча стоила такого нелегкого, а зачастую не очень чистого труда. Уже в самом начале летного периода мы заметили большую разницу между насекомыми Забайкалья и Уссурийского края: парусники *Papilio raddei*, *P. xuthulus*, *Luhdorfia puziloi*, *Sericinus telamon* стали нашими первыми жертвами. [Из (Biener, 1924): У ксута *Papilio xuthus* наблюдалась смена кормового растения. Гусеницы его летней формы всегда находились на амурском бархате *Phellodendron*, а весенней формы – преимущественно на ясенце].

В отличие от континентального забайкальского климата с крайне небольшим количеством осадков, сезон дождей здесь начинался уже в мае при одновременном приходе тепла 30°R [37,5°C]. Многие экскурсии, которые я совершал в одиночку или со своими

товарищами во время и после сезона дождей в ближние и дальние окрестности лагеря, каждый раз приносили большое количество неизвестных мне тогда видов, а количество собираемых гусениц было так велико, что хозяину ежедневно требовалось до четырех часов времени, чтобы обеспечить их свежим кормом и почистить примитивные разводные ящики. Если везло, то непосильным трудом удавалось выращивать в большом количестве редкие и редчайшие виды. Объясню, какие трудности мешали в тот год нормальному выведению бабочек. Если сама по себе закупка контейнеров для гусениц была нелегко решаемым делом, то когда мы их все-таки находили, уже сомневались, что нам будет предоставлено место для размещения. В этом вопросе приходилось целиком полагаться на доброту товарищей, которые ради наших гусениц были вынуждены ограничивать собственную свободу передвижения по общежитию. Заготовка кормов часто тоже представляла почти непреодолимые препятствия. Например, когда у нас на попечении было около трехсот гусениц великолепного парусника *Papilio raddei*, началась эпидемия брюшного тифа, а в городе – сыпного. В результате число постов караула вокруг лагеря было удвоено, а контроль за приходом и уходом товарищей по разрешениям – ужесточен. Поэтому мы были вынуждены ночью в тумане красться через охрану, чтобы принести еду с ближайшего холма. Эти экскурсии становились еще труднее из-за того, что корм [листья амурского бархата] приходилось искать по запаху. Тем не менее, нам удалось провести цикл развития без особого отхода. Однако из-за отсутствия опыта в разведении допускались и некоторые ошибки. Так, однажды я испытал силу своих легких [А. Бинер кашлянул или чихнул] на группе только что вылупившихся волнянок *Orgyia zimmermanni*, которых я путал с похожими античными волнянками *Orgyia antiqua*. Гусенички, конечно, не упустили шанса обрести так неожиданно предоставленную им свободу. [Из (Wiener, 1922): Без сомнения, это разные виды. Они различаются окраской гусениц и бабочек; первый в Забайкалье не встречается, а в Приморье, в отличие от второго, дает только одно поколение в год]. По другой причине провалилось выведение серпокрылки *Oreta calceolaria*, гусеницы которой делали себе пещерки в тонких ветвях кормового растения, закрывая их шелковиной под цвет коры. С высохшим кормом я постепенно выбрасывал прятавшихся гусениц, и напрасно ломал голову, куда все они деваются, безуспешно ища в разводном ящике дырки, через которые они могли убежать. Только предпоследняя гусеница удивила меня, когда я нашел ее в настолько трудно обнаруживаемом укрытии. Поразительно велико было число гусениц некоторых видов, обитающих у нас [в Европе] поодиночке, но встречаемых там целыми колониями: втроем мы однажды за день собрали на небольшом пятачке несколько сотен гусениц медведицы *Arctia caja*. К тому же хочу отметить, что мы брали только взрослых гусениц и искали совсем поверхностно. На какие цифры можно рассчитывать в этой стране, видно по разведению махаона *Papilio machaon*, организованному профессором Михелем [Michel] из г. Чешская Лейпа. В течение нескольких дней он собрал в лагере около пяти сотен гусениц, причем его интерес распространялся только на вполне взрослых [последнего возраста], поэтому не может претендовать на основательность.

В дополнение к упомянутым выше видам, скажу, что мы также провели более обширное разведение, даже частично «ex ovo» [из яйца] коконопряда *Dendrolimus undans* var. *excelsa*, при котором гусеницы, в норме потребляющие листья дуба и орешника, питаются ивами, почти всегда порождали гигантов. То же самое происходило и у непарного шелкопряда *Lymantria dispar*, орденских лент *Catocala nupta*, *C. electa*, медведицы *Spilosoma niveum* и слизневидки *Monema flavescens*, чьи твердые, как скала, коконы с зимующими гусеницами в них были обнаружены на всех листовых породах. Номион *Parnassius nomion* оказался чрезвычайно сложным, когда дело дошло до разведения в домашних условиях, и в основном давал мелкие, желтоватые экземпляры, которые не теряли этого

оттенка, даже если мы позволяли им некоторое время летать после вылупления. Количество найденных и выведенных индивидуально гусениц достигло многих сотен, и в результате были получены редкие, даже неизвестные виды и разновидности. Походы за пределы лагеря не всегда проходили гладко, а иногда даже были опасны для жизни. В нас неоднократно стреляли солдаты, слонявшиеся вокруг, и нам приходилось применять свои навыки полевых действий, чтобы «прыжок за прыжком», от укрытия к укрытию, скрываясь за камнями, завернуть за ближайший холм. Поскольку у выходов из лагеря была охрана, часто нелегко было пройти без возражений с ее стороны, но поддельные пропуска хорошо помогали с этим справиться, так как она смотрела лишь за наличием на них оттиска печати.

Наша кухонная повозка неоднократно выезжала из ворот нагруженная мешками, и, если присмотреться, можно было не только заметить сомнительную подвижность их содержимого, но даже услышать тихий смех. Мало-помалу стало известно огромное количество способов, как можно выбраться из лагеря, и они, в конце концов, поднялись до уровня целой науки. Поэтому многие господа отказывались от хорошо проверенных методов и, чтобы приобрести репутацию больших оригиналов, искали все новые средства и способы. Мы, коллекционеры, предпочитали выходить на улицу в укромном месте над забором или под ним. На обратном пути мы довольно часто проходили через посты охраны с живыми змеями. Уважение, которое люди испытывали к змеям, было так велико, что они часто убежали, бросив оружие.

Все эти мелкие препятствия с лихвой компенсировались чрезвычайно богатой добычей, приносимой из каждой вылазки. Полученные мной данные близки к сведениям, опубликованным Л. Грезером, но они также содержат много ранее не указанных для этой области видов, а также некоторые, несомненно, новые. Что касается численности особей, особенно богаты ими были следующие: *Parnassius nomion* и *P. stubbendorfi*, *Satyrus dryas* и *Argynnis adippe* с их бесчисленными аберрациями. Самой распространенной ночницей была *Leucania unipuncta* [явно восточная луговая совка – *Mythimna separata*], многие сотни особей которой сразу после захода солнца роились вокруг цветущей вишни, - да так, что шелест крыльев был слышен на расстоянии нескольких шагов. Среди пядениц – *Cistidia couaggaria* и *Abraxas silvata* [вероятно, *Abraxas fulvobasalis*] в своих восточных разновидностях также появлялись в очень больших количествах.

[Из (Biener, 1921): Номион [*Parnassius nomion*] в этом районе летал двумя, хронологически совершенно разными поколениями. В первый раз он появлялся в конце июня – середине июля на южных и западных склонах, во второй – с конца июля до середины августа – на восточных и северных склонах. Соответственно, их гусеницы перезимовывали после второй или первой линьки. Но я не смог найти у бабочек морфологических отличий; хотя первые в целом были более переменчивы, особенно в отношении красного заполнения передних и задних краевых пятен передних крыльев, тогда как вторые имели несколько более выраженное черное напыление. Гусеница его черная, с двумя-тремя красными пятнами на каждом сегменте, обитает на *Sedum album*, очень любит солнце и, в отличие от европейских видов, сильно заражена личинками паразитических ос, которые покидали гусеницу до ее окукливания. Для метаморфоза гусеницы предпочитают использовать укрытие из травяной ветоши, закрывая коконы несколькими стежками шелковины с обоих концов. В случае воспитания в садках благоприятными оказались частые опрыскивания водой (особенно рано утром и вечером), много солнца и укрытие на ночь. Особенно важно было держать их ночью на свежем воздухе, так как гусеницы болели после ночевки в помещении. Куколки коренастые, брюшко с тупым концом, цвет коричневый, с матово-синим отливом. Развиваются в среднем 12 суток. Бабочка вылупляется настолько энергично, что кроме заднего конца, она разрывает очень твердую оболочку на несколько частей].

В этом году ночным бабочкам мы смогли уделить немного больше внимания. Ловля на свет заключалась в том, что в поисках совок и пядениц, которых там было много, мы рано утром обыскивали окна и стены кофейни. Однажды из любопытства я поймал в кофейне дневного павлиньего глаза *Vanessa io*, который заставил меня сильно поволноваться, потому что в безумно мечущемся у лампы мотыльке предполагал кого угодно, но только не дневную бабочку. К сожалению, у меня не было возможности наблюдать и использовать якобы очень богатый лет чешуекрылых к единственной в городе дуговой лампе. По рассказам товарищей, которые неоднократно к ней ходили, за этот источник света у них шла острая конкурентная борьба, не виданная у нас в Центральной Европе. Целая стая полудиких собак приходила сюда каждый вечер и радостным лаем приветствовала каждого описывающего круги на земле ослепленного светом прилетевшего бражника или шелкопряда. Для сердца любого коллекционера это было невыносимое зрелище: видеть, как павлиноглазка *Actias selene* или бражник *Smerintus tartarinovi* исчезают в чавкающей пасти голодной собаки! Ловля на приманку у ограды лагеря или под отдельными группами деревьев, как мы убедились, давала ненадежный результат: иной раз чрезвычайно удачный, а иногда совершенно безуспешный даже в самый прекрасный вечер. Сумеречная ловля сачком совок и бражников на цветах была очень продуктивной, и с того времени я научился особенно ценить цветущие подсолнухи, привлекающие совок из группы орденских лент [*Catocala* ssp.], и на которых – совершенно вопреки обычному поведению – надолго присаживались бражники *Pergesa elpenor* и *P. askoldensis*.

Лишь в очень редких случаях обильные насекомые Сибири раздражали нас, коллекционеров – это были постельные клопы, комары и сеноеды. С первыми, жертвуя собственным временем, можно было бороться горячей водой или керосином, комары часто были невыносимы, когда мы собирались на реке и ловили рыбу, но самыми ненавистными для меня стали сеноеды, которые полностью уничтожили часть забайкальских сборов. Другими вредителями, против которых мы были почти беззащитны, были руки непрофессионалов, которые во время нередких обысков казарм наносили значительный ущерб нашим коллекциям. Сборы жуков в этом году были маленькими, потому что моя приверженность делу колеоптерологии ослабла, и большую часть времени я уделял бабочкам.

Зимой 1919 г. часть лагеря была переведена на о. Русский, небольшой остров недалеко от порта Владивосток, который располагает почти всем, что коллекционеру представляется как идеальное место для организации энтомологических сборов. Высокие сопки, поросшие лиственными породами деревьев всех возрастов, голые и густо заросшие склоны, чудесные лесные долины с протекающими в них небольшими ручьями, пышные луга на побережье. Первые два весенних месяца (апрель и май) дали добычу значительно более богатую, чем в предыдущие годы. В течение четырех недель занимаясь раскопками, мы в результате получили большое количество куколок бражников *Kenetrochrysalis streckeri*, *Mimas christoffi*, *Smerinthus dissimilis*, *gaschkiewitschi*, *tartarinovi*, *planus*, *caecus*, зимовавших в опавших листьях гусениц медведиц *Pericallia matronula*, *Spilosoma niveum* и т. д. Вечерний сбор на цветущих ивах привел к отлову большого числа перезимовавших или только что вылупившихся совок. На солнышке повсюду летала симпатичная людорфия *Luhdorfia puziloi*; весенний ксут *Papilio xuthulus* встречался здесь гораздо чаще, чем на р. Уссури, и, наоборот, реже – махаон *Papilio machaon*. В густых зарослях мы охотились на проворную толстоголовку *Thanaos montanus*, а лазание по тонким стволам амурского бархата привело меня к поимке нескольких пар весенних экземпляров синих махаонов *Papilio raddei*, куколок которых я никак не мог найти, несмотря на самые тщательные поиски. Факт, когда однажды я

обнаружил в кроне дерева только что вылупившуюся (еще совсем мягкую), искалеченную и поэтому не способную летать самку, говорит о том, что куколки, имеющие окраску под цвет коры, должны находиться на тонких ветвях в кронах деревьев.

В пользу того, что после такого многообещающего старта мы имели полное право питать самые смелые надежды на теплый сезон, свидетельствует большой успех учителя Поспишила из Санкт-Оскау [«Pospischil aus St. Oskau»], который провел все лето в этом раю для бабочек. А вот со мной тоска по родному дому сыграла злую шутку. В конце мая [1920 г.] я воспользовался свободным местом на корабле [чехословацких] легионеров, чтобы отправиться на родину. Поэтому сегодня я с грустью вспоминаю множество красивых насекомых и упущенную возможность собирать их в такой богатой местности. Поскольку время лечит, то для нас, коллекционеров из числа военнопленных, все тяжкое из нашего прошлого оно заволокло пеленой небытия. А воспоминания о нашем бесподобном занятии коллекционированием, наоборот, все более ярко выплывают на передний план. Мы грустим о той беззаботной жизни на свежем воздухе, где единственной не проходящей болью, которая мучила нас, была тоска по Отечеству.

ENTOMOLOGISTS – THE AUSTRO-HUNGARIAN ARMY PRISONERS OF WORLD WAR I IN SIBERIA AND THE RUSSIAN FAR EAST (1914–1920)

E.V. Novomodnyi¹, E.A. Beljaev²

¹ Khabarovsk Territorial Museum after N.I. Grodekov, Khabarovsk, Russia
E-mail: evgenov@mail.ru

² Federal Scientific Center of the East Asia Terrestrial Biodiversity, Far
Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia
E-mail: beljaev@biosoil.ru

The participation of European entomologists from among the Austro-Hungarian army prisoners of World War I in the research of the Siberian and Amur entomofauna is considered. Despite the fact that they were doing this in conditions of lack of freedom, their mass collection yielded appreciable results. The biographical information about Karl Ferdinand Mandl (1891–1989), Stepan Jurechek (1877–1940), Hermann Frib (1877–1947), Josef Michel (1890–1963) and Alfred Biener (1892(?)–1954), which are known from publications of entomologists processed their collections or materials, is given. Some little-known events from the activities in the South Ussuriysk branch of the Amur department of the Russian Geographical Society in Nikolsk-Ussuriysk, and in the life of Evgenia Nikolaevna Klobukova-Alisova (1889–1962) and Alexei Ivanovich Kurentsov (1896–1975) are described. The translation of memories on this time by A. Biener is included in the Appendix.